

М. П. ПОГОДИН

Письмо к издателю "Московского вестника" и ответ издателя

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

М<илостивый> Г<осударь>, к крайнему моему сожалению прочел я в последней книжке "Московского Вестника" замечания г-на Арцыбышева на "Историю государства Российского", сочиненную Н. М. Карамзиным. Я не понимаю, каким образом вы осмелились дать место в вашем журнале брани на творение, которое мы привыкли почитать совершеннейшим, брани, за которую вам отвечать будет, может быть, очень трудно.

Вам покорный слуга
Z.

Ноября 17 1828¹.

М<илостивый> Г<осударь>, очень рад, что вы скрыли свое имя и тем дали мне право отвечать вам *без всяких околичностей*.

Двадцатипятилетние занятия российской историею и такой труд, как свод всех русских летописей, из коего отрывки известны уже публике, дают полное право г-ну Арцыбышеву судить об Истории, сочиненной Н. М. Карамзиным. *Просвещенные* соотечественники должны даже требовать от него мнения о сем важном творении, тем более что у нас голосов таких собрать можно не много.

Впрочем, о замечаниях г-на Арцыбышева, справедливых и несправедливых, волен думать и писать всякий, как ему угодно; я первый сказал, что тон его мне не нравится, и готов помещать опровержения на его статью, полезные в каком-либо отношении. Если бы какой-нибудь молодой студент (не только г-н Арцыбышев) прислал мне статью, в которой была бы справедлива одна треть, четверть, десятая доля замечаний на Историю государства Российского, и тогда я поместил бы ее в своем журнале, чтоб принести пользу науке сею десятою долею справедливых замечаний. Уверен даже, что заслужил бы сим одобрение Карамзина, если бы он, к счастью нашему, был жив!

Такое правило отнюдь не мешает мне быть ревностным почитателем Карамзина. С десятилетнего моего возраста (так писал я к нему при посвящении ему моего рассуждения: о происхождении Руси) я начал учиться у него и добру и языку и Истории; время, употребленное мною в школе на чтение его сочинений, почитаю счастливейшим в моей жизни и никому на свете, -- повторю сказанное мною прежде, -- не уступлю в почтении к незабвенному нашему писателю, в признательности к великим, полезным трудам его.

История его двенадцать лет не сходит с моего письменного стола; но до сих пор я не осмелился произнести полного своего суждения об ней, давая время зреть моим мыслям, стараясь обогащаться опытом. Теперь, задетый за живое, то есть подозреваемый в чувствах моих к памяти знаменитого, мною *горячо любимого*, писателя, я почитаю себя обязанным сказать здесь несколько слов об его Истории:

История России есть история полмира. Чтоб приготовить материалы будущему ее художнику-соорудителю, по такому плану, какой предначертал себе Карамзин, -- должно теперь приняться за приготовительную работу сотне таких людей, как Митрополит Евгений², Арцыбышев³, Востоков⁴, Калайдович⁵, Строев⁶, Каченовский⁷, Языков⁸, Кеппен⁹, Эверс¹⁰, Френ¹¹, Круг¹². -- Думать, что в Истории Карамзина все то уже сделано, что сии люди при благоприятных обстоятельствах могли бы сделать {"Пройдя вдоль эту длинную дорогу, -- сказал мне сам Карамзин в незабвенное для меня свидание с ним (1825 года декабря 26), -- я видел направо и налево множество предметов, которых обделывать не мог и проч." -- А вы, М<илостивый> Г<осударь>, думаете, что уж и делать нечего.}, есть темное, *темное невежество*. Карамзин физически не мог этого сделать. Требовать даже от него этого нельзя, точно так, как нельзя было требовать от Фидиаса¹³, чтоб он ломал себе мрамор на острове Паросе, перевозил его в Афины и проч. Мысль Карамзина писать Историю 1803 г. есть одна из отважнейших мыслей в европейском литературном мире, хотя мы и должны благодарить его Ангела-Хранителя за это внушение, ибо имеем теперь великолепный памятник языка в нашей словесности.

Карамзин велик как художник-живописец, хотя его картины часто похожи на картины того славного италианца, который героев всех времен одевал в платье своего времени; хотя в его Олегах и Святославах мы видим часто Ахиллесов и Агамемнонов расиновских. Как критик -- Карамзин только что мог воспользоваться тем, что до него было сделано, особенно в древней истории, и ничего почти не прибавил своего. Как философ -- он имеет меньшее достоинство, и ни на один философский вопрос не